

Толстой Лев Николаевич

Альберт

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Альберт / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77183-2

Отрывок из рассказа Л.Н. Толстого

ISBN 978-5-519-77183-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Музыкантъ поклонился и вопросительно взглянулъ на хозяйку.

— Идите, идите,—что-жъ, когда васъ господа приглашаютъ,—вмѣшалась хозяйка.

Худые, слабые члены музыканта вдругъ пришли въ усиленное движеніе, и онъ, подмигивая, улыбаясь и подергиваясь, тяжело, целовко пошелъ прыгать по залѣ. Въ серединѣ кадрили, веселый офицеръ, танцовавшій очень красиво и одушевленно, печаянно толкнулъ спиной музыканта. Слабая, усталая нога не удержала равновѣсія, и музыкантъ, сдѣлавъ нѣсколько подкашивающихъ шаговъ въ сторону, со всего росту упалъ на полъ. Несмотря на рѣзкій, сухой звукъ, произведенный паденіемъ, почти всѣ засмѣялись въ первую минуту.

Но музыкантъ не вставалъ, гости замолчали, даже фортепіано перестало играть, и Делесовъ съ хозяйкой первые подбѣжали къ упавшему. Онъ лежалъ на локтѣхъ и тускло смотрѣлъ въ землю. Когда его подняли, посадили на стулъ, онъ откинулъ быстрымъ движеніемъ костлявой руки волосы со лба и сталъ улыбаться, ничего не отвѣчая на вопросы.

— Господинъ Альбертъ, господинъ Альбертъ!—говорила хозяйка:—что, ушиблись... гдѣ? Вотъ я говорила, что не надо было танцовать... Онъ такой слабый!—продолжала она, обращаясь къ гостямъ,—насилу ходитъ, гдѣ ему!

— Кто онъ такой?—спрашивали хозяйку.

— Бѣдный человѣкъ, артистъ. Очень хорошій малый, только жалкій, какъ видите.

Она говорила это, не стѣняясь присутствіемъ музыканта. Музыкантъ очнулся и, какъ будто испугавшись чего-то, съежился и оттолкнулъ окружавшихъ его.

— Это все ничего!—вдругъ сказалъ онъ, съ видимымъ усиліемъ привставая со стула.

И чтобы доказать, что ему нисколько не больно, вышелъ на середину комнаты и хотѣлъ припрыгнуть, но пошатнулся и опять бы упалъ, ежели бы его не поддержали.

Всѣмъ сдѣлалось неловко; глядя на него, всѣ молчали.

Взглядъ музыканта снова потухъ, и онъ, видимо забывъ о всѣхъ, потиралъ рукою колѣно. Вдругъ онъ поднялъ голову, выставилъ впередъ дрожащую ногу, тѣмъ же, какъ и прежде, пошлымъ жестомъ откинулъ волосы и, подойдя къ скрипачу, взялъ у него скрипку.

— Все ничего!—повторилъ онъ еще разъ, взмахнувъ скрипкой.—Господа, будемъ музицировать.

— Что за странное лицо!—говорили между собой гости.

— Можетъ-быть, большой талантъ погибаетъ въ этомъ несчастномъ существѣ,—сказалъ одинъ изъ гостей.

— Да, жалкій, жалкій,—говорилъ другой.

— Какое лицо прекрасное!... Въ немъ есть что-то необыкновенное,—говорилъ Делесовъ.—Вотъ посмотримъ...

II.

Альбертъ въ это время, не обращая ни на кого вниманія, прижавъ скрипку къ плечу, медленно ходилъ вдоль фортепіано и настраивалъ его. Губы его сложились въ безстрастное выраженіе, глазъ не было видно; но узкая, костлявая спина, длинная, бѣлая шея, кривыя ноги и косматая черная голова представляли чудное, но почему-то вовсе не смѣшное зрѣлище. Настроивъ скрипку, онъ бойко взялъ аккордъ и, вскинувъ голову обратился къ піанисту, приготовившемуся аккомпанировать.

— *Mélancolie G-dur*—сказалъ онъ, съ повелительнымъ жестомъ обращаясь къ піанисту,

И вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы прося прощенія за повелительный жестъ, кротко улыбнулся и съ этой улыбкой оглянулъ публику. Вскинувъ волосы рукой, которою онъ держалъ смычокъ, Альбертъ остановился передъ угломъ фортепіано и плавнымъ движеніемъ смычка провелъ по струнамъ. Въ комнатѣ пронесся чистый, стройный авукъ и сдѣлалось совершенное молчаніе.

Звуки темы свободно, изящно полились вслѣдъ за первымъ, какимъ-то неожиданно-яснымъ и успокоительнымъ свѣтомъ, вдругъ озаряя внутренній міръ каждаго слушателя. Ни одинъ ложный или неумѣренный звукъ не нарушилъ покорности внимающихъ; всѣ звуки были ясны, изящны и значительны. Всѣ молча, съ трепетомъ надежды, слѣдили за развитіемъ ихъ. Изъ состоянія скуки, шумнаго разсѣянія и душевнаго сна, въ которомъ находились эти люди, они вдругъ незамѣтно перенесены были въ совершенно другой, забытый ими, міръ. То въ душѣ ихъ возникало чувство тихаго созерцанія прошедшаго, то страстнаго воспоминанія чего-то счастливаго, то безграничной потребности власти и блеска, то чувства покорности, неудовлетворенной любви и грусти. То грустно-пѣжныя, то порывисто-отчаянныя звуки, свободно перемѣшиваясь между собой, лились и лились другъ за другомъ такъ изящно, такъ сильно и такъ бессознательно, что не звуки слышны были, а самъ собой лился въ душу каждаго какой-то прекрасный потокъ давно знакомой, но въ первый разъ высказанной поэзіи. Альбертъ съ каждой нотой выросталъ выше и выше. Онъ далеко не былъ уродливъ или страненъ. Прижавъ подбородкомъ скрипку и съ выраженіемъ

страстнаго вниманія прислушиваясь къ своимъ звукамъ, опъ судорожно передвигалъ ногами. То онъ выправлялся во весь ростъ, то старательно сгибалъ спину. Лѣвая, напряженно-согнутая рука казалось, замерла въ своемъ положеніи и только судорожно перебирала костлявыми пальцами; правая двигалась плавно, изящно, незамѣтно. Лицо сіяло непрерывною восторженною радостью; глаза горѣли свѣтлымъ, сухимъ блескомъ, ноздри раздувались, красныя губы раскрывались отъ наслажденія.

Иногда голова ближе наклонялась къ скрипкѣ, глаза закрывались и полузакрытое волосами лицо освѣщалось улыбкой кроткаго блаженства. Иногда опъ быстро выправлялся, выставлялъ ногу, и чистый лобъ, и блестящій взглядъ, которымъ онъ окидывалъ комнату, сіяли гордостью, величіемъ, сознаніемъ власти. Одипъ разъ піанистъ ошибся и взялъ невѣрный аккордъ. Физическое страданіе выразилось во всей фигурѣ и лицѣ музыканта. Онъ остановился на секунду и съ выраженіемъ дѣтской злобы, топая ногой, закричалъ: „*moll, se moll*“. Піанистъ поправился. Альбертъ закрылъ глаза, улыбнулся и, снова забывъ себя, другихъ и весь міръ, съ блаженствомъ отдался своему долгу. Всѣ находившіеся въ комнатѣ во время игры Альберта хранили покорное молчаніе и, казалось, жили и дышали только его звуками.

Веселый офицеръ неподвижно сидѣлъ на стулѣ у окна, устремивъ на полъ безжизненный взглядъ, и тяжело и рѣдко подвигалъ дыханіе. Дѣвицы въ совершенномъ молчаніи сидѣли по стѣнамъ и только изрѣдка съ одобреніемъ, доходящимъ до недоумѣнія, переглядывались между собою. Толстое, улыбающееся лицо хозяйки расплывалось отъ наслажденія. Піанистъ впивался глазами

въ лицо Альберта и со страхомъ ошибиться, выражавшимся во всей его вытягивавшейся фигурѣ, старался слѣдить за нимъ. Одинъ изъ гостей, выпившій больше другихъ, ничкомъ лежалъ на диванѣ и старался не двигаться, чтобы не выдать своего волненія. Делесовъ испытывалъ непривычное чувство. Какой-то холодный кругъ, то суживаясь, то расширяясь, сжималъ его голову. Корни волосъ становились чувствительны; морозъ пробѣгалъ вверхъ по спинѣ; что-то, все выше и выше подступая къ горлу, какъ тоненькими иголками, кололо въ носу, небѣ, и слезы незамѣтно мочили ему щеки. Онъ встряхивался, старался незамѣтно втягивать ихъ назадъ и отирать, но новыя выступали опять и текли по его лицу.

Къ концу послѣдней варіаціи лицо Альберта сдѣлалось красно, глаза горѣли, не потухая, крупныя капли пота струились по щекамъ. На лбу надулись жилы, все тѣло больше и больше приходило въ движеніе, поблѣднѣвшія губы уже не закрывались, и вся фигура выражала восторженную жадность наслажденія.

Отчаянно размахнувшись всѣмъ тѣломъ и встряхнувъ волосами, онъ опустилъ скрипку и съ улыбкой гордаго величія и счастья оглянулъ присутствующихъ. Потомъ спина его согнулась, голова опустилась, губы сложились, глаза потухли, и онъ, какъ бы стыдясь себя, робко оглядываясь и путаясь ногами, прошелъ въ другую комнату.

III.

Что-то странное произошло со всѣми присутствующими и что-то страшное чувствовалось въ мертвомъ молчаніи, послѣдовавшемъ за игрой Альберта. Какъ будто каждый хотѣлъ и не умѣлъ высказать того, что все это значило. Что такое

значить — свѣтлая и жаркая комната, блестящія женщины, заря въ окнахъ, взволнованная кровь и чистое впечатлѣніе пролетѣвшихъ звуковъ? Но никто и не попытался сказать того, что это значитъ; напротивъ, почти всѣ, чувствуя себя не въ силахъ перейти вполнѣ на сторону того, что открыло имъ новое впечатлѣніе, возмутились противъ него.

— А вѣдь онъ точно хорошо играетъ, — сказалъ офицеръ.

— Удивительно! — отвѣчалъ, украдкой рукавомъ отирая щеки, Делесовъ.

— Однако, пора ѣхать, господа, — сказалъ оправившись нѣсколько, тотъ, который лежалъ на диванѣ. — Надо будетъ дать ему что-нибудь, господа. Давайте складчину.

Альбертъ сидѣлъ въ это время одинъ, въ другой комнатѣ, на диванѣ. Облокотившись локтями на костлявыя колѣни, онъ потнымъ, грязнымъ руками гладилъ себѣ лицо, взбивалъ волосы и самъ съ собою счастливо улыбался.

Складчину сдѣлали богатую, и Делесовъ взялся передать ее.

Кромѣ того, Делесову, на котораго музыка произвела такое сильное и непривычное впечатлѣніе, пришла мысль сдѣлать добро этому человеку. Ему пришло въ голову взять его къ себѣ, одѣть, пристроить къ какому-нибудь мѣсту — вообще, вырвать изъ этого грязнаго положенія.

— Что, вы устали? — спросилъ Делесовъ, подходя къ нему.

Альбертъ улыбался.

— У васъ дѣйствительный талантъ; вамъ надо бы серьезно заниматься музыкой, играть въ публикѣ.

— Я бы выпилъ чего-нибудь, — сказалъ Альбертъ, какъ будто проснувшись.

Делесовъ принесъ вина, и музыкантъ съ жадностью выпилъ два стакана.

— Какое славное вино,—сказалъ онъ.

— Меланхолія, какая прелестная вещь! — сказалъ Делесовъ.

— О! да, да,—отвѣчалъ улыбаясь Альбертъ:— но извините меня, я не знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить; можетъ быть, вы графъ или князь: не можете ли вы мнѣ ссудить немного денегъ? Онъ помолчалъ немного. Я ничего не имѣю... я бѣдный человѣкъ. Я не могу отдать вамъ.

Делесовъ покраснѣлъ, ему неловко стало, и онъ торопливо передалъ музыканту собранныя деньги.

— Очень благодарю васъ,—сказалъ Альбертъ, схвативъ деньги:—теперь давайте музицировать; я, сколько хотите, буду играть вамъ. Только выпить чего нибудь, выпить,—прибавилъ онъ вставая.

Делесовъ принесъ ему еще вина и попросилъ сѣсть подлѣ себя.

— Извините меня, если я буду откровененъ съ вами,—сказалъ Делесовъ:—вашъ талантъ такъ заинтересовалъ меня. Мнѣ кажется, что вы въ нехорошемъ положеніи?

Альбертъ поглядывалъ то на Делесова, то на хозяйку, которая вошла въ комнату.

— Позвольте мнѣ вамъ предложить свои услуги,—продолжалъ Делесовъ:— ежели вы въ чемъ нибудь нуждаетесь, то я бы очень радъ былъ, ежели бы вы на время поселились у меня. Я живу одинъ и, можетъ быть, я былъ бы вамъ полезенъ.

Альбертъ улыбнулся и ничего не отвѣчалъ.

— Что же вы не благодарите, — сказала хозяйка:— разумѣется, для васъ это благодареніе. Только я бы вамъ не совѣтовала,—продолжала она, обращаясь къ Делесову и отрицательно качая головой.

— Очень вамъ благодаренъ, — сказалъ Альбертъ, мокрыми руками пожимая руку Делесова: — только теперь давайте музицировать, пожалуйста.

Но остальные гости уже собрались ѣхать и, какъ ихъ ни уговаривалъ Альбертъ, вышли въ переднюю.

Альбертъ простился съ хозяйкой и, надѣвъ истертую шляпу съ широкими полями и лѣтнюю старую альмавиву, составлявшія всю его зимнюю одежду, вмѣстѣ съ Делесовымъ вышелъ на крыльцо.

Когда Делесовъ сѣлъ съ своимъ новымъ знакомцемъ въ карету и почувствовалъ тотъ непріятный запахъ пьяницы и нечистоты, которымъ былъ пропитанъ музыкантъ, онъ сталъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ и обвинять себя въ ребяческой мягкости сердца и неразсудительности. При томъ все, что говорилъ Альбертъ, было такъ глупо и пошло, и онъ такъ вдругъ грязно опьянѣлъ на воздухъ, что Делесову сдѣлалось гадко. „Что я съ нимъ буду дѣлать“? подумалъ онъ.

Проѣхавъ съ четверть часа, Альбертъ замолкъ, шляпа съ него свалилась въ ноги, онъ самъ повалился въ уголъ кареты и захрапѣлъ. Колеса равномерно скрипѣли по морозному снѣгу; слабый свѣтъ зари едва проникалъ сквозь замерзшія окна.

Делесовъ оглянулся на своего сосѣда. Длинное тѣло, прикрытое плащомъ, безжизненно лежало подлѣ него. Делесову казалось, что длинная голова съ большимъ темнымъ посомъ качалась на этомъ туловищѣ; но, взглянувъ ближе, онъ увидѣлъ, что то, что онъ припималъ за носъ и лицо, были волосы, а что настоящее лицо было ниже. Онъ нагнулся и разобралъ черты лица Альберта. Тогда красота лба и спокойнаго сложеннаго рта снова поразили его.

Подъ вліяніемъ усталости первъ, раздражающаго безсоннаго часа утра и слышанной музыки

Делесовъ, глядя на это лицо, снова перенесся въ тотъ блаженный міръ, въ который онъ заглянулъ нынче ночью; снова ему вспомнилось счастливое и *великодушное* время молодости, и онъ пересталъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ. Онъ въ эту минуту искренно, горячо любилъ Альберта и твердо рѣшился сдѣлать добро ему.

IV.

На другой день утромъ, когда его разбудили, чтобъ идти на службу, Делесовъ съ непріятнымъ удивленіемъ увидалъ вокругъ себя свои старыя ширмы, своего стараго человѣка и часы на столикѣ. Такъ что же бы я хотѣлъ видѣть, какъ не то, что всегда окружаетъ меня? спросилъ онъ самъ себя. Тутъ ему вспомнились черныя глаза и счастливая улыбка музыканта; мотивъ „меланхолич“ и вся странная вчерашняя ночь пронеслись въ его воображеніи.

Ему некогда было, однако, размышлять о томъ, хорошо или дурно онъ поступилъ, взявъ къ себѣ музыканта. Одѣваясь, онъ мысленно распредѣлялъ свой день: взялъ бумаги, отдалъ необходимыя приказанія дома и торопясь надѣлъ шинель и сапоги. Проходя мимо столовой, онъ заглянулъ въ дверь. Альбертъ уткнулъ лицо въ подушку и, раскидавшись въ грязной изорванной рубахѣ, мертвымъ сномъ спалъ на сафьянномъ диванѣ, куда его безчувственного положили вчера вечеромъ. Что-то не хорошо, невольно казалось Делесову.

— Сходи, пожалуйста, отъ меня къ Борюзовскому, попроси скрипку дня на два для пихъ,— сказалъ онъ своему человѣку,— да когда они проснутся, напои ихъ кофеемъ и дай надѣть изъ моего бѣлья и стараго платья что-нибудь. Вообще удовлетвори его хорошенько. Пожалуйста.

Возвратившись домой поздно вечеромъ, Делесовъ, къ удивленію своему, не нашелъ Альберта.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ онъ у человѣка.

— Тотчасъ послѣ обѣда ушли,—отвѣчалъ слуга:—взяли скрипку и ушли, общались притти черезъ часъ, да вотъ до сей поры вѣту.

— Та! та! досадно,—проговорилъ Делесовъ:—какъ же ты егопустилъ, Захаръ?

Захаръ былъ петербургскій лакей, уже восемь лѣтъ служившій у Делесова. Делесовъ, *какъ одинокій холостякъ*, невольно повѣрялъ ему свои намѣренія и любилъ знать его мнѣніе насчетъ каждаго изъ своихъ предпріятій.

— Какъ же я смѣлъ его не пустить?—отвѣчалъ Захаръ, играя перчаткой своихъ часовъ:—ежели бы вы мнѣ сказали, Дмитрій Ивановичъ, чтобъ его удерживать, я бы дома могъ занять. Но вы только насчетъ платья сказали.

— Та! досадно! Ну, а что онъ тутъ дѣлалъ безъ меня?

Захаръ усмѣхнулся.

— Ужъ точно, можно назвать артистомъ, Дмитрій Ивановичъ. Какъ проснулись, такъ попросили мадеры, потомъ съ кухаркой и съ сосѣдскимъ человѣкомъ все занимались. Смѣшные такіе... Однако характера очень хорошаго. Я имъ чаю далъ, обѣдать принесъ, ничего не хотѣли одни ѣсть, все меня приглашали. А ужъ на скрипкѣ какъ играютъ, такъ это точно, что такихъ артистовъ у Излера мало. Такого человѣка можно держать. Какъ онъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ намъ сыгралъ, такъ точно, какъ человѣкъ плачетъ. Слишкомъ хорошо! Даже со всѣхъ этажей пришли люди къ намъ въ сѣни слушать.

— Ну, а одѣлъ ты его?—перебилъ баринъ.

— Какъ же-съ: я ему вашу ночную рубашку